

Быть может

Роман в стихах

A romantic couple is shown in silhouette, embracing and kissing under a glowing umbrella. They are standing in a shower of golden sparks or rain that fills the air. The scene is illuminated from below, creating a warm, golden glow. The background is dark, making the sparks and the couple stand out.

18+

Вячеслав Губанов

Вячеслав Михайлович Губанов

БЫТЬ МОЖЕТ. Роман в стихах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28745392

SelfPub; 2021

Аннотация

Ленинград 1978 года. Виталий молод, красив и умен, и неудивительно, что девушки без ума от него. Но у Виталия разбегаются глаза, и он никак не может сделать свой выбор. Он начинает понимать, что красота и ум противоречат друг другу. Что же выбрать в итоге: ум или красоту? А может, выбрать любовь? Но как человеку, ещё не испытавшему любви, понять, что это именно она, любовь? Виталий прошёл нелёгкий путь, который привёл его к желанной цели, и он готов поделиться своим опытом с каждым желающим.

Содержание

Книга 1	4
Предисловие	5
Глава 1. Студент	9
Глава 2. Меланхолия	16
Глава 3. Исцеление	22
Глава 4. Осознание красоты	34
Глава 5. Нина	43
Глава 6. Разрыв с Ниной	54
Глава 7. Знакомство с Алиной	68
Глава 8. Танцы	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Вячеслав Губанов

БЫТЬ МОЖЕТ.

Роман в стихах

Книга 1

*Посвящается моему покойному другу
Виктору Сухоручкину.*

*Когда встретишь своего человека, поймёшь,
почему с другими не получалось.*

Фридрих Ницше

Предисловие

*Нет, я не дорожжу мятеежным наслаждением,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, висясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!*
А. Пушкин

«Я жертвой был родительских запретов,
Нам запрещающих говорить «про это».
Умел я лишь заглядывать под юбки,
А девочки смешно кривили губки.

Но кто же из мужчин не раздевал
Красивых женщин жадными глазами?
Я был среди них... Теперь мой час настал,
И раздевать я буду их руками.

Красавица всё видит, понимает,
Зачем мужчина взглядом раздевает,
Как чемпион привык к своим наградам,
Она давно привыкла к этим взглядам.

Ты позвала... И я меняю Бога —
Теперь я гимны Эросу пою,
У прежде запрещённого порога
Я с сердцем замирающим стою!

Мне прятаться за робость надоело
И чувством платоническим терзать
Желанием измученное тело —
Как в творчестве, в любви хочу дерзать!

Ты соком наполняешься любовным
И ничего не ведаешь о том,
Как чувства выдаёшь своим греховным,
Таким манящим к поцелую ртом!

Невинности божественные краски
Смиренно уступают царский трон,
Восходит на него Любовь, чьи ласки
Готовы к возложению корон.

Твои глаза... Я их не узнаю —
Они сияют незнакомым светом,
Читая просьбу тайную мою...
Но медлишь ты с желаемым ответом.

И преисполнен тайны каждый шаг,
Кольша грудь и волосы густые
И превращая у мужчин-зевак
В горящие угли глаза пустые.

Наступит день, потом наступит час,
Когда конец настанет ожиданью,
Мы, повинувась нашему желанью,
Пойдём к тому, что ожидает нас!

Дрожанье рук... Во тьме чуть слышный шёпот...
Потом шуршанье платья... Слабый крик...
Движенья... Стоны... Наслажденья пик!..
Каков он, первый сексуальный опыт?»

О! Что за мысли были в голове
Трясущегося в душном «скотовозе»
Виталия! Ему была внове
Творящаяся с ним метаморфоза.

Он ощутил внезапно приближенье
Далёких и неведомых земель,
А душу потревожило броженье
И сил, и чувств, неведомых досель.

Ему казалось: он уже вступил

В пору любви... Но страхи и сомненья
Его любовный сдерживали пыл,
Хотя имел в избытке самомненья.

Глава 1. Студент

*Я из вечера в вечер замуравывался в своей
клетушке как не вполне нормальный анахорет.
К такой жизни меня вынуждала необходимость –
не только потому, что у меня не было денег на
развлечения, но и потому, что, недавно приехав
в метрополию, я держался замкнуто – не столько
из застенчивости, сколько из гордости, – и не было
у меня ни возможности, ни умения заводить друзей.
У. Стайрон. Выбор Софи*

Дожил до лета семьдесят восьмой,
И стал тот год событиями богатым:
Намеревался сделать выбор свой
Краснов Виталий, парень неженатый.

Приехал в Ленинград издалека,
Работал – и учился в институте,
Чтоб не позволить людям свысока
Помыслить даже, что Виталий – трутень.

Оставил он вдали свою семью,
И было одиноко в этом мире —

Как будто у Вселенной на краю...
Жил в общежитьи, грезил о квартире.

Но то была далёкая мечта —
Не первая в намеченных по списку:
Он был из тех, чья кличка – «лимита»,
И ждал он постоянную прописку.

Зарплата небольшая – 100 рублей,
Технологом работал на заводе...
Но на причёску денег не жалел —
Под Джо Дассена, это было в моде.

Играл в футбол, зимой играл в хоккей,
Поддерживал всегда в спортивной форме
Свою фигуру и следил за ней,
Ходил в «клёшах» и в туфлях на «платформе».

И часто по дороге в институт
Мечтал любить он женщин всех на свете,
Но, не имея времени на блуд,
По женской части был лишь теоретик.

Наверное, неправильно сказать,
Что девушки его не волновали.
Они его... не очень привечали,

И он старался тем же отвечать.

Нет, он пытался завести знакомство...

К примеру, со студенткою одной:
Не мог он не заметить то упорство,
С которым та вертела головой

И на него смотрела непрестанно,
Как будто что-то хочет сообщить.
Она красива... и чуть-чуть жеманна —
Способна хоть кого растормошить!

Но при попытке сблизиться с ней – Алла,
В ответ ему ни слова не сказав,
Вдруг от него испуганно сбежала...
Как будто перед ней тираннозавр.

А тут ещё научный коммунизм...
Его преподавательница сразу
Вдруг стала излучать антагонизм
К Виталию: его любую фразу

Старалась игнорировать всегда.
Какая чёрствость в юные года!
Почувствовав тогда сопротивление,
Он расценил его, как небрежение,

И, избегать стараясь женских пут,
Берёг досуг для главных увлечений:
«Неплохо бы закончить институт,
Потом придёт черёд и развлечений».

Запрет на женщин соблюдал легко —
Не потому, что был в душе отшельник:
Чтоб проявить потенциал мужской,
Он не имел ни времени, ни денег.

Да, на колени девушек сажал!..
Когда в колхоз автобус вёз их, полный,
Но вёл себя, как будто он беспольный,
И свой успех никак не продолжал.

Его любовью главной были книги,
Читал он их запоем и давно,
Хватая при любом свободном миге,
А главным развлечением – кино.

И музыкой он тоже увлекался,
Она была душе его близка,
Купил магнитофон он и старался
Быть в курсе новостей «издалека».

Чтоб знать новинки в музыкальной моде
И этим выделяться среди людей,
Знакомство свёл с «фарцовщиком» Володей,
Известным всем по прозвищу Халдей.

Он в «Прибалтийской» был официантом,
Куда попал, затратив много сил,
Чтоб обеспечить доступ к иностранцам,
И через них приобретать «винил».

Таланты наши нам исправно служат...
Халдей всегда любил поговорить,
Виталий же умел смиренно слушать,
И он Халдея стал боготворить,

Когда узнал о всех его талантах:
Владел литературным языком
И был осведомлён о музыкантах,
А кое с кем он лично был знаком;

Он рисовал, писал портреты маслом;
Притом в одежде был неприхотлив;
Всегда был в настроении прекрасном,
Слегка насмешлив, очень терпелив.

Он с братом жил в квартире коммунальной.
Когда Виталий в гости приходил,
То сцены был свидетелем скандальной:
Сосед жену до одури бранил —

За то, что сын родился инвалидом,
За то, что жизнь испортила ему...
Соседство с беспокойным индивидом
Всех веселило, судя по всему.

Пластинка для Халдея – это «диск»,
Она рождает трепетное чувство,
И каждая из них – «последний писк»,
Что издаёт на Западе искусство.

Виталий у него просил «попсу» —
Всё то, чем увлечён культурный Запад,
А тот назло (что видно по лицу)
Его знакомил с «Yes» и Фрэнком Заппой.

И вот уже наметился прогресс:
Виталий перестал сопротивляться,
Он вскоре мог спокойно слушать «Yes»
И в музыку иную углубляться.

За записи цена была одна,

И платой это назовёшь едва ли:
Он приносил бутылочку вина,
Они её с Халдеем распивали.

Глава 2. Меланхолия

*Когда исчезнет омраченье
Души болезненной моей?
Когда увижу разрешенье
Меня опутавших сетей?
Е. Баратынский*

Он был у меланхолии в плену...
За ним такой грешок давно водился:
Он будто ощущал свою вину
За то, что он на белый свет родился.

Когда период зимний наступал,
Неся с собою мрачность и холодность,
То он от меланхолии страдал...
В груди была тоска и безысходность...

Иметь опасно с жизнью нелады...
Искал он, но не находил причины
Слепого ожидания беды
И ум его опутавшей кручины.

Казалось бы, всё шло, как он желал...

Но ум его всё красил мрачным цветом,
И только о плохом он вспоминал,
Все мысли о хорошем – под запретом.

Когда же ненадолго ум светлел,
Он смутно ощущал, что жизнь прекрасна...
Но вскоре об иллюзиях жалел:
Зачем стараться, если всё напрасно?

В тетрадь для лекций как-то записал
Заметки о бессмысленности жизни,
Потом тетрадь кому-то он отдал —
Для списыванья лекций... о трагизме.

Пытался он идти простым путём:
Когда тоска клещами грудь сжимала,
Старался думать только лишь о том,
Что впереди хорошего немало.

Себя он в это верить заставлял...
Но это ненадолго помогало,
И хитрый ход его не исцелял —
Всё потому, что веры было мало...

И мнительный был (что ж греха таить?):
Хоть демобилизован был, – казалось,

Что снова призовут его служить,
Не верил он, что в прошлом всё осталось.

Он сетовал, что скучно он живёт,
Что у людей к талантам безразличье,
И что, когда из жизни он уйдёт,
Не смогут оценить его величье.

Как только новый кризис наступал,
Он думал, что его все презирают,
Лез на рожон и нервы всем трепал...
Таких людей в друзья не выбирают.

И он, уйдя в себя, стал к людям глух,
Надолго задержался в странной фазе:
Обманы чувства, угнетённый дух,
Обилие несбыточных фантазий.

Когда директор (царствие ему!..)
Скоропостижно вдруг почил во гробе,
Решил Виталий: судя по всему,
Завод возглавить только он способен,

Не повредит ему карьерный рост...
Виталий был весьма разочарован,
Узнав о назначении на пост

Ширшова, председателя профкома.

Виталий в эти дни, как мог, гадал,

Что состоянье это означало:

Ведь аппетит при этом не страдал,

И тело так же свежестью дышало.

Исток недуга в книгах стал искать —

И с цепкостью, достойной детектива.

Тому, что стал он больше всех читать,

Способствовала смена коллектива.

Поскольку аттестата не имел,

Свою карьеру начал как рабочий,

В профессии он мало что умел —

Пришлось стучать кувалдой что есть мочи.

В огромном цехе, в грохоте, в аду

Учился он по-новому сморкаться:

В одну ноздрю свистел он, как в дуду,

Ноздрю другую зажимая пальцем.

Простые нравы и тяжёлый труд

Накладывают грустный отпечаток,

Когда в «сосиску» все гурьбой идут

И в пьянстве завершают дня остаток.

И в «Балтику» ходили – в ресторан,
После зарплаты, дружно выпивали.
Их не манил загадочный экран,
Кинотеатра «Балтика» не знали.

Виталий не был заводилой тут,
Поскольку человек он не отсталый:
После работы ездил в институт —
Три дня в неделю, сонный и усталый.

Наевшись замечательных котлет
(Которым в наше время равных нет —
Мясистых, сочных, очень натуральных!),
Учиться шёл в условиях экстремальных.

Он, не лентяй, все лекции писал...
Но бодрость ему часто изменяла:
На лекциях Виталий засыпал —
Так много сил кувалда отнимала.

Виталий целый год тот ад терпел...
Когда возникли сложности с учёбой,
Он перешёл технологом в отдел,
Надел костюм, простившись с грязной робой.

Остались в прошлом пиво и вино,
«Бригаденфюрер», в ресторан зовущий.
Не так, как в цехе, здесь заведено:
В отделе лишь один коллега пьющий.

Виталий изменил культурный фон:
Коллеги – молодые инженеры,
Наметился в общении нужный тон,
И он сумел преодолеть барьеры.

Конечно, перейдя тогда в отдел,
Он потерял значительно в окладе...
Но интеллект – до облаков взлетел!
И не был он поэтому в накладе.

Впервые он услышал слово «секс»,
И рад был откровению такому:
Не нов для понимания процесс,
Но раньше назывался по-другому.

Открыл он для себя и имя Фрейд,
Узнал про «Ветви персика» и йогу,
И в голове его царящий бред
Сменяться стал порядком понемногу.

Глава 3. Исцеление

*Дурное настроение сродни лени, оно,
Собственно, одна из её разновидностей.
И. Гёте. Страдания юного Вертера*

Путь к исцелению долог был, тяжёл,
Упорство всё же к цели приближало —
Он в «Повести о разуме» нашёл
Причину зла, что жить ему мешало:

«Я лишь существование влачил,
Недоставало к жизни интереса...
Но к разуму я доступ получил —
И с глаз упала тёмная завеса.

Подвёл я свой безрадостный итог:
Ведь жил я – от зарплаты до зарплаты,
И в том, что был я беден и убог,
Мои затмения были виноваты.

Моё унынье как рукой сняло,
Я начал верить в то, что жизнь прекрасна,
Вокруг всё засияло, ожило,

И я живу на свете не напрасно.

В чём жизни смысл?.. Не всё ли мне равно?

Ведь каждый день мне доставляет радость.

Есть у меня и книги, и кино...

А вскоре и любви познаю сладость.

И мне себя не надо убеждать —

Я просто знаю: что бы ни случилось —

Всё к лучшему, и надо просто ждать,

Когда судьба заменит гнев на милость.

Я счастлив, словно круглый год – весна,

Которая лишь от меня зависит.

Причина этой радости ясна,

Как божий день: я научился мыслить!

Я сам себя как будто превзошёл —

Так всё легко и просто мне даётся...

Кто к «Повести о разуме» пришёл,

Тот с разумом уже не расстается.

Сейчас я вижу то, что видят все,

Но я хотел бы знать гораздо больше:

Увидеть жизнь во всей её красе,

И чувствами владеть полнее, тоньше.

Не кажет мне тоска своих гримас,
Я каждый день в хорошем настроенье
И радостью наполнен всякий раз,
Когда ко мне приходит откровенье.

Причину бед теперь ищу в себе:
Как только начинает мне казаться,
Что кто-то провоцирует к борьбе,
Сперва с собой стараюсь разобратся.

Я, как другие, жил день ото дня
И делал то, что для других нормально:
Всё, что случалось в жизни у меня,
Воспринимал я эмоционально.

Привычным делом было горевать...
Но мысли возникают с чувством вместе,
Я дал возможность мыслям созреть,
И чувства больше не на первом месте.

И если накрывает, как волной,
Недолгое от жизни отрешенье,
То вовсе не уныние виной,
А дар волшебный – мысли напряженье.

Я стал своею жизнью дорожить,
Когда сумел на деле убедиться,
Что можно без уныния прожить...
А я уж было начал им гордиться.

Что ж изменило так судьбу мою
И прекратило жизни угасанье?
Казалось, мелочь: вдруг я узнаю,
Что есть такая вещь, как подсознание.

Я в мире не один... Познать всю суть
Событий и явлений очень сложно,
От их числа охватывает жуть,
И я всё истолковываю ложно...

Какой у бессознательного вид?..
Оно, как космос, тёмно и огромно...
Мне кажется, оно за мной следит,
Но проявляется к познанию скромно.

Сам человек похож на червячка,
Покорного, лишённого желаний,
Которого давно, издавека
Несёт поток его переживаний.

Возможно ли в одну соединить
Две истины: и жизни быстротечность,
Которая мой разум леденит,
И этого потока бесконечность?

Когда всё началось?.. Каким я был?..
Когда я осознал себя впервые?
И было ль мыслью то, что я забыл?
Чем стали ощущенья болевые?

Хочу я знать, в каком из тайников,
В каком из закоулков подсознания
Лежит воспоминание о том,
Как начал я свой скорбный путь изгнания,

Когда уют околоплодных вод
Был вынужден покинуть поневоле
В утробе материнской зревший плод
И двинуться своей навстречу доле?

То был уж я?.. Или всего лишь плод,
Бесчувственный пока, себя не зная,
Неумолимо двинулся вперёд,
Своей макушкой бёдра раздвигая?

Насколько был испуг его велик,

Когда он слышал материнский крик?
Что ощущал он, не имея взора,
Скользя по влажным стенкам коридора?

Чуть шею не сломал ему злодей...
Всё в этом мире было незнакомо,
И голоса негромкие людей
Воспринимал он, как раскаты грома.

Колючий холод тело остудил,
А в душу вместо сна ворвался хаос...
И я с тех пор в себя не приходил,
И на покой надежды не осталось.

Когда вошёл я в этот страшный мир,
Казалось мне, что здесь меня не любят:
Порой сосок, дающий сладкий пир,
Напиток выдавал, что сводит губы.

Когда я в первый раз узнал про смерть?
И что в моей душе тогда творилось?
Возможно ль смерть из памяти стереть?
Нет, это до сих пор не испарилось,

Как спрашивал я: «Мама, я умру?» —
Когда вдруг осознал, что смертны люди,

Представил, как в глубокую дыру
Положат, закопают... Что же будет?..

Природа – очень сложный механизм:
Жизнь человека – следствие рожденья...
Причиной смерти тоже будет жизнь,
Когда от жизни нужно пробужденье.

Жизнь – это книга, и любой из нас
Про смерть свою, взглянув в концовку, знает...
Но новую страницу каждый раз
Он с интересом новым открывает.

Конечно же, на кладбище ведут
Всей нашей жизни главные дороги,
И главной целью жизни назовут
Смерть все поборники законов строгих.

Какой для жизни мне отмерен срок,
О коем возвестит последний зуммер?
Возникнет над могилой бугорок...
А может, я тогда, родившись, умер?

Жить счастливо возможно, лишь поняв,
Что жизни срок – не более столетья,
Иначе превратится жизнь моя

В борьбу за обретение бессмертья.

Зачем мы рвёмся в этот мир?.. Зачем,
Когда с рожденья нам конец известен?
Одна из самых неприятных тем...
Такой вопрос при жизни неуместен.

И всё же я хочу его задать —
Себе дороже в этот раз стесняться:
Зачем с рожденья смерти ожидать?..
Чтоб научиться смерти не бояться?

Болезни наши, вопреки молве,
Не плоть спервоначала истязают,
Живут болезни наши в голове,
Оттуда же, как змеи, выползают.

Мой господин незримый – детский страх,
Достоинства мои свергая в прах,
Меня он разъедает из утробы...
В кошмарных снах, где мертвецы и гробы,

Мне снилось, что плевали мне в лицо,
Брезгливо руку мне не подавали,
Напрасно обзывали подлецом,

В сомнительных грехах подозревали.

Мы, люди, против тёмных сил слабы,
И я, не обретя ещё скрижали,
Готов был предложить себя в рабы,
Лишь только бы меня не унижали.

Здесь с новой силой начал я болеть,
Я не во сне, и страх не иллюзорный.
Моя задача – страх преодолеть:
Страх смерти – страх животный, страх позорный.

Ребёнком я боялся темноты,
И каждый шорох мне казался страшным...
Теперь же я далёк от той черты...
Так стоит ли пугаться днём вчерашним?

Гораздо раньше, чем в текущий год,
Я должен был задать вопросы эти,
Я ж неуклонно следовал вперёд
И признавал вопросы лишь в анкете.

Любое отклонение с пути
Несло в моё сознание гибель, смуту...
Тогда не мог я сил в себе найти,
Чтоб даже оглянуться... На минуту.

Итог печален: я вообразил,
Жить не начав, что песня жизни спета,
Хотя здоров я, молод, полон сил...
Пришла пора осмыслить мне всё это.

Приехав в этот город среди болот,
В мороз ужасный, равносильный злобе,
Стеснён я вновь, как недозревший плод, —
Уже в духовной, мысленной утробе.

У всех у нас похожая судьба,
Приехавших сюда, в холодный город,
И тот изгонит из себя раба,
Кто жаждет утолить духовный голод.

Теперь живём мы в каменных домах,
Приехав из села, где были избы,
И не во всех крестьянских головах
Прижиться могут эти катаклизмы.

Здесь давит на сознание новичка
Непостижимый уровень культуры,
И смотрят на беднягу свысока
Исаакий, Столп и ангел с верхотуры.

Величьем подавляет Эрмитаж,
Сверкает золотом царское жилище...
Хоть говорят: музей теперь он наш —
Но в нём себя ты ощущаешь нищим.

Культура здесь – не деревенский клуб,
Здесь каждый день театры, представленья,
Огромные дворцы взамен халуп —
И открываешь рот от удивленья!

А в Петропавловке лежат цари —
И среди них лежит сам Пётр Великий!
Кадыт – в социализме! – алтари...
Всем подавляет город многоликий.

Не лишне молодым мужчинам знать:
Когда, возвращён под материнским оком,
Он вынужденно покидает мать —
Становится вмиг слабым, одиноким.

Осознаёт он это или нет,
Но он везде идёт тропой избитой:
Чтобы, как в детстве, был одет и сыт,
Чтоб был всегда под маминой защитой.

Суровый здешний климат – злая мать,
Она дитя вовек не приголубит,
Перестает ребёнок понимать,
За что его родная мать не любит.

Вокруг меня гранит... Как саркофаг...
Довольно! Не пора ли пробудиться?
Чтоб доказать, что свой я, не чужак,
Я здесь обязан заново родиться.

В местах, где довелось нам вырастать,
Единственной культурой было пьянство.
Культуру надо новую впитать,
Чтобы в великом городе остаться.

Не получаю больше я извне
Тепла, любви – царит здесь беспристрастность,
И находить я вынужден в себе
И матери любовь, и безопасность.

Достаточно всего лишь осознать
Всё то, что в наших головах творится,
Чтоб помраченье из голов изгнать,
И к нам, уйдя, оно не возвратится.

Глава 4. Осознание красоты

Он никогда не казался грустным или меланхоличным. Другие молодые люди его возраста считали его дерзким и забавным проказником. Он мог корчить рожи, вспрыгивать на столы и диваны, прикидываться к шеем дам и делать вид, что хнычет. Он смеялся над собой и над другими и заставлял людей смеяться до слез. С. Витале. Тайна Дантеса или пуговица Пушкина

Виталий вдруг по-новому взглянул
На странности общенья с женским полом...
С вопросом этим раньше он тянул —
Ведь путь к образованию был тяжёлым.

Но избранной судьбы не миновать:
Привычка думать разум бередила —
Он поневоле стал осознавать
Всё, что вокруг него происходило.

И в том, что раньше он воспринимал
Как женское к нему пренебреженье,
Он без труда теперь уже узнал
Невольное симпатий выраженье.

И даже аспирантка, что у них
Научный коммунизм преподавала,
Довольно симпатичных глаз своих
Подолгу от него не отрывала.

А уж студентки... Что там говорить!
Он чувствовал себя, как на витрине, —
Его готовы все боготворить!
Тут есть о чём задуматься мужчине.

Виталий понял вдруг, что он красив:
Из гадкого утёнка вырос лебедь,
И тяготил уже былой пассив,
И с красотой надо что-то делать.

Однажды у Халдея он застал
Двух девушек – раскованных, красивых,
И сразу интерес он прочитал
Во взглядах на него красноречивых.

Они решили с ним пофлиртовать —
И он от их улыбок ободрялся.
Потом вопросы стали задавать...
И тут Виталий сразу растерялся.

Вести непринуждённый разговор
И глупость говорить с учёным видом
Виталий не умел – потупив взор,
Замкнулся он и волю дал обидам.

А девушки забыли про него,
И интереса вовсе не осталось.
И внешность не решила ничего:
«Красивый, но дурак!» – в глазах читалось.

Виталий был серьёзно удручён,
Его задело это невниманье:
Ведь в институте был он обречён
На тайное студенток обожанье.

И в гости звали все наперебой,
И время уж подумать о зазнобе...
Он мог бы закрутить роман с любой...
Но надо, надо помнить об учёбе!

К студенткам он давно уже привык,
Как на работе к членам коллектива...
Но в случае досадных закавык
Нужна другая инициатива!

«Застенчивость моя всему виной!
Я сразу начинаю волноваться...
Но как преодолеть? – вопрос иной,
И надо им серьёзно заниматься.

Дефектов у меня особых нет,
И речь мою развило книг прочтенье...
Мешает мне – родительский запрет,
Что был наложен ими на общенье.

Они старались (честь им и хвала!)
Не приучать ребёнка к разгильдяйству,
Влиянье их заботы и тепла
Я ощутил... в работах по хозяйству.

Неопытность моя – и смех и грех:
За волосы принять парик студентки!
Ещё не скоро ждёт меня успех,
Коль отношусь я к женщинам по-детски.

Мои познания в сексе – «zero»... «ноль»,
И спутать «Камасутру» с харакири
Неопытным юнцам не мудрено.
Мне кажется, один такой я в мире...

Признаться надо: женщин я боюсь,
От них я прячусь в уголках укромных,
И если с кем-то я разговарюсь,
То с пассиями лишь парней знакомых.

Пора уже свой опыт мне копить,
Его не заменить в делах сердечных,
И к девушкам без страха подходить,
Играть в слова, что из разряда вечных.

Меня ещё смущает женский взгляд...
Но взгляду так легко найти причину:
Любой из нас сейчас друг другу рад,
Я женщину ищу, она – мужчину.

Чтоб с девушкой знакомиться легко,
Я должен быть в игривом настроении,
Купаясь в обаянии мужском
И в лёгких фраз изысканном течении.

Но я всегда в раздумья погружён,
Игривости тут неоткуда взяться,
Поэтому в знакомствах напряжён...
Пожалуй, мне пора переродиться.

Я должен быть приветливым всегда —

Вот что определит мою успешность!
Не принесёт, надеюсь, мне вреда
Моя всегда улыбочивая внешность.

Что толку от того, что я красив?
От красоты неумной пользы мало:
Все думали о том, что я спесив...
Но мненье их меня не занимало,

И слыл я за красивого глупца —
На похвалы уму все люди скупы.
Мне б проще быть, снять маску гордеца...
Но нужен ум, чтобы казаться глупым».

Настало лето. Сессию он сдал,
Потом в колхозе месяц отработал,
В июле он билет на поезд взял —
И вот он, отпуск... Отдыхай, забота!

И ехали с Виталием в купе
Две девушки... Казалось бы, везенье?!
Он был готов их пригласить к себе...
Но что ни слово – в нём сквозит презренье,

Да так, как позволяет женский пыл, —

Не только лишь к нему, ко всем мужчинам.
Он растерялся, мнение изменил
При их напоре – слишком агрессивном.

За то, что он знакомству не был рад,
Виталию девицы отомстили:
Его любимый фотоаппарат
Они «случайно» с полки уронили.

Стеснительность, стеснительность... Опять
Она сыграла с Витей злую шутку.
Решил он твёрдо зло искоренять,
Не забывать о нём ни на минутку.

И вот приехал он в родимый дом.
Там ждал его двоюродный брат Сеня,
Не скучно с детства было им вдвоём,
И начались у братьев похождения.

Для тех, кто был учёбой поглощён,
Одно лишь лето – время для знакомства,
И к девушкам их разум обращён...
Но без проблем... Не заводя потомства!

Они как будто проходили курс:
Знакомились – и тут же расставались,

Копили опыт, но, входя во вкус,
Продлить знакомства даже не пытались.

Себя Виталий силой заставляя
Знакомиться, и при поддержке брата
Своё стеснение преодолевал...
Оно прошло – и нет к нему возврата!

Он творчески к знакомству подходил:
Старался предугадывать желанья,
Не брезговал цитатами, шутил,
Используя полученные знания.

Для тех, кто не захочет пренебречь
Ученьем, не проходят годы даром:
Такой пустяк, как правильная речь,
Вдруг станет очень выгодным товаром.

Виталий это чувствовал нутром
И полностью от сленга отказался,
Ему платили девушки добром:
Он верхом совершенства им казался,

Им чудилось, что он аристократ,
И не беда, что он не в той одежде...
Красивой сказке кто из нас не рад?

И принца на коне все ждут, как прежде.

Ах, лето, лето! Лучшая пора!..

Прекрасен отпуск, да ещё на море..

Но кончилась любовная игра,

Условились, что брат приедет вскоре,

И в Ленинграде, где девчонок тьма,

Они свои продолжают упражненья,

И будет больше пищи для ума,

И будут впечатлять их достижения.

Глава 5. Нина

Сидя в майских сумерках в Клубе и резиденции университетов и наблюдая за невиданно огромным тараканом, который полз по моему тому Полного собрания поэзии и прозы Джона Донна, я вдруг увидел лик одиночества и решил, что это самый безжалостный и самый отвратительный лик.

У. Стайрон. Выбор Софи

Виталий, возвратившись в Ленинград,
Был приглашён на свадьбу Николая,
Меняющего жизненный уклад:
Наскучила ему жизнь холостая.

Виталий собирался не спеша...
Красивая мелодия играла...
И ощущала в этот миг душа
Грусть лёгкую, и сердце замирало.

«Отныне с Колей мы – из разных сфер...
Жизнь изменилась от его решения,
И у него есть женщина теперь,
Их завтра ждут иные отношенья.

Как интересно: свадьба не моя,
Я посторонний здесь... Но мне сдаётся,
Что к новому в судьбе приду и я,
Что свадьба эта и меня коснётся.

Казалось мне до нынешнего дня,
Что обделён навек в благоволеньи:
Эмоций бури – всё не для меня,
И жизнь проходит – где-то в отдаленьи.

Я восхищаюсь музыкой чужой,
Чужие книги лечат мои страхи,
Я ж отделён от творчества межой,
Не по плечу подобные размахи.

Так кто же я? И в чём я вижу благо?
И с кем я без конца веду борьбу?..
А я никто! Я чистый лист бумаги,
На нём я напишу свою судьбу.

Быть серым, незаметным я устал,
Хочу быть человеком знаменитым!
А я пока никем ещё не стал:
Ни женщины, ни денег – всё с лимитом».

И что-то вдруг в душе произошло...
Ещё не зная, что тому причиной,
Он вдруг подумал: «Вот оно, пришло!» —
Почувствовал себя уже мужчиной.

Что юность беззаботная его
Уже ушла, и больше не вернётся,
И главное желанье таково:
Он поисками женщины займётся!

О ней он думал, как о естестве,
Что укрепляет дух в здоровом теле:
Ведь то, что возникает в голове,
Потом реализуется на деле.

Виталий зорче стал смотреть вокруг,
И в ЗАГСе, обречённом к многолюдью,
Среди невесты множества подруг
Блондинку увидал... С красивой грудью...

Она ему понравилась... Хотя:
«У девушек красивых всё серьёзно —
Небось, о свадьбе грезит, и шутя
Поладить с нею будет очень сложно...

Допустим, приударю я за ней...
Она решит, что я хочу жениться...
Не время мне жениться – хоть убей!
Ведь через месяц снова мне учиться».

Решив: блондинка – не его стезя,
Виталий выбрал девушку попроче:
Курносый носик, чёрные глаза,
И волосы темнее и короче.

Он с Валею пару раз потанцевал,
Подумал, что путём идёт он верным...
Разговорившись с нею, он узнал:
Она студентка, тоже на вечернем.

Во все глаза смотрела на него,
Она ему доступною казалась...
Но лишь обнял – исчезло душ родство!
И даже танцевать с ним отказалась.

С таким явленьем будучи знаком,
Не осуждал он недотрогу грозно —
Так девушки доступным языком
Дают понять: «Со мною всё серьёзно!»

Виталий и не думал горевать,

Когда вокруг веселье продолжалось.
Он огляделся: с кем потанцевать?
И тут блондинка рядом оказалась.

Виталий был раскован, возбуждён,
Растаяли в вине былые страхи:
«А почему бы нет? – подумал он. —
Что сделается мне, свободной птахе?»

Он руку ей для танца протянул...
Её груди коснулся он... Случайно!
В глаза, чтоб извиниться, он взглянул —
И был он удивлён необычайно:

Она, наоборот, своим локтём
Ещё сильней к груди её прижала!
Подруги, взгляды – всё ей нипочём...
Как много эта вольность означала!

Потом он только с Ниной танцевал —
Она была всех симпатичней в зале
(Он даже кой к кому приревновал!),
Не учится она, подруга Вали.

Он предложил ей выйти, погулять
(В тот день была жара, и в зале душно),

Да воздухом немного подышать,
И Нина согласилась с ним послушно.

Гулять приятно было и без слов
По улицам посёлка незнакомым,
Потом, зайдя в хозяйство без жильцов,
Сидеть, обнявшись, на ступеньках дома.

Когда они вернулись в душный зал,
Где были все в значительном подпитьи,
То с Вале́й Макс, болтая, танцевал —
Сосед по комнатухе в общежитьи.

Случайно ль, нет, но в семьдесят восьмом,
Когда он с меланхолией расстался,
В той комнате, где жили вчетвером,
Состав его соседей поменялся.

Сначала контингент их был таков:
Спал у окна Григорьев Афанасий,
Напротив спал Валерий Бутаков,
Виталий – у двери, напротив – Вася.

У Маркина Василия был друг,
Звать Шурик, чуть не каждый день встречались,

Их лепет нецензурный резал слух,
Когда они портвейна напивались.

Приехавшие строить коммунизм,
Строители его зачем-то спились.
Их встретил столь суровый реализм,
Что с курса предначертанного сбились.

Высокая культура, не секрет,
Всегда растёт из самоуваженья.
Но если уваженья к себе нет —
Высокими не будут достиженья.

Хотя... у пьяниц достиженья есть,
Стремленья могут быть довольно пылки...
Но ценностей – по пальцам перечесть,
И всё вокруг стакана да бутылки.

Работник Шурик был не заводской —
На кладбище могильщиком трудился,
Клал плиты из бетона день-деньской,
И он своей профессией гордился.

Пятьсот рублей он в месяц получал —
Для заводчан немислимые деньги!
Виталий одного такого знал:

Герой Труда и человек-легенда.

Такой почёт даётся нелегко,
Он не чета зависимым от пьянства,
Которым до героев далеко:
И деньги есть, да только нет богатства.

Масштабы пьянства были велики:
Все деньги пропивали, как гусары,
Пустых бутылок целые мешки
Сдавали в пункт приёма стеклотары.

Другие люди в тех очередях
Порой ловили жадными ушами
Почти легенду – «Сказ о двух парнях,
Сдающих тару целыми мешками».

Бутылками уставлен целый стол,
Как скандинавы, пили без закуски,
Синдром похмельный был у них тяжёл.
Они чудили – но уже по-русски.

Пошёл однажды Шурик в туалет..
И вдруг пропал... Как будто испарился...
Проходит час, а Шурика всё нет...
И вот он, наконец-то, появился —

И тут же остроумием блеснул,
Поведав всем, что было с ним на деле:
Упал за унитаз он – и уснул...
Проснувшись, еле выбрался из щели.

По-новому чудили каждый раз,
И в общежитии слава их гремела,
Усиленная чарами прикрас.
Любовь у них оттенок свой имела.

Напротив, через улицу от них,
Был дом, в нём коммунальные квартиры.
С одной из живших в доме том ткачих
Завёл знакомство Вася, парень сирий.

Он пару раз к ней в гости приходил,
Но с нею вёл себя Василий робко.
За эту робость друг его стыдил,
И было перед Шуриком неловко.

Василия не раз тот уверял,
Что женщина отдаться – только рада.
Напившись, он терпенье потерял
И другу показать решил, как надо.

Пошёл он в гости к ней... А через час,
Что стало перерывом в их разгуле,
Вернувшись, начал Шурик свой рассказ,
Как отдалась она ему – на стуле! —

Стараясь всех рассказом поразить.
А Маркин... Он смотрел, как друг кривлялся,
И, ничего не смея возразить,
Лишь пьяно ртом беззубым улыбался.

Валера с Афанасием не так,
Как Вася с Шуриком, но выпивали,
И каждый в этом деле был мастак...
Виталия порою угощали.

Однажды с ними пил «Navana Club»,
Но опыт неудачей обернулся:
Как пьяница, он был довольно слаб,
И вечером на пустыре очнулся.

Им не желал плохого ничего...
Но... будто бы прошёл он испытанье —
И пьяницы покинули его,
Пришли на смену Коля, Макс и Ваня.

Был Николай серьёзный человек:

Не стал себя он выпивкой порочить,
И женщину нашёл не для утех —
Чтоб завести семью и быт упрочить.

В отличие от Коли, Ваня был
Простым и незатейливым парнишкой,
Он никому с рожденья не грубил,
И с Ваней церемонились не слишком.

Но ближе всех Виталию был Макс,
Как музыки ценитель строгий, тонкий,
Имел аппаратуру – высший класс:
Проигрыватель, мощные колонки.

На музыку Макс денег не жалел,
И покупал он «диски» у Халдея:
Их свёл Виталий – Макс повеселел,
Знать то была хорошая идея.

Глава 6. Разрыв с Ниной

*О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняясь на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом все боле, боле –
И делишь наконец мой пламень поневоле!*
А. Пушкин

«Решил я срочно женщину искать —
И вот явилась Нина с тайным знаком!
Мне надо к новой роли привыкать...
Себя не утруждая ранним браком!

Жениться надо позже – в тридцать лет,
Пока мечты не обернулись крахом,
И повидать немного белый свет...
До тридцати не проживёшь монахом...

Настанет время заводить семью —
Я стану идеальным Дон Жуаном,

С любой, с какой хочу, судьбу свою
Свяжу, став для неё родным, желанным.

С единственной, неповторимой?.. Блажь!
Как любят все бросаться фразой звонкой...
Неважно, кому сердце ты отдашь,
Была бы лишь «хорошая девчонка» —

И лепишь из неё свой идеал.
Такую мысль мне подсказала тётя,
Да я и сам таких людей видал,
И слышу эти речи на работе.

Мужчина создаёт себе жену,
Как Бог, создавший из ребра Адама
Готовую для мужа ко всему.
Не быть жене строптивой и упрямой!

Мне кажется, что так у всех людей,
Подобным бракам гимны распевают:
«Живут нормально, дружно, без затей...» —
И о любви привычно забывают.

Мне кажется, напрасно я боюсь,
Что девушка начнёт в меня влюбляться.
От главной цели чтоб не отвлекаться,

Я с Ниной очень правильно держусь:

Я ей дарю дешёвые конфеты,
Болтаю чушь, подобно «звонарю»,
В надежде обойти её запреты...
Вот только о любви не говорю.

Она сама вольна отождествить
Свои желанья и мою браваду —
Прозрачные намёки о любви
Похожи удивительно на правду.

Я ж, не тая желанья своего,
К соитию веду, в любовь играя,
Настойчиво и смело, ничего
Не спрашивая и не обещая.

Красавица всё видит, понимает,
Зачем мужчина взглядом раздевает,
Как чемпион привык к своим наградам,
Она давно привыкла к этим взглядам.

Не для неё мой тонкий интеллект,
Не для неё душевные богатства.
Я знаю, что она не скажет «нет»,
Лишь для приличья хочет поломаться».

За Вале́й стал ухаживать Макси́м,
Пока Вита́лий занимался Ниной,
Их связывало многое, засим
И отдыхали группо́ю единой.

Воспользовавшись летних дней длиной,
Они по вечерам в кино ходили,
А в наступивший вскоре выходной
На базу отдыха подруг возили.

Играли на площадке в волейбол,
По озеру на лодке их катали,
Нашли грибы и ими слабый пол,
Довольные, пожарив, угощали.

Однажды в выходной, сходя в кино,
Они пошли гулять и задержались.
Ребята звали в гости – всё равно
Им не успеть в метро... Те отказались.

И тут черёд Вита́лия пришёл:
Он ощутил бывшее вдохнове́нье,
Слова для убеждения нашёл —
И их уговорил в одно мгнове́нье.

Но чтит мораль их строгая Страна!
Не ждали их, объятая распростёрши:
В ту ночь несла дежурство Сатана,
И в мире строже не было вахтёрши!

Расстроились подруги, скис и Макс...
А у Виталия огонь во взоре:
Он убеждал людей не в первый раз —
В тот отпуск, проведённый им на море.

Он научился в нужный миг бывать
Раскованным, балованным ребёнком,
И в то же время жертве не давать
Расслабиться своим напором тонким.

Навязчив был, как выпивший слегка,
Который все приличья соблюдает...
Желаешь отвязаться на века?
Так лучше дай ему, что он желает!

И вот уже Виталий, в кураже,
Крамолу на лице её читает:
«Впустить их, что ли?.. Поздно ведь уже...
Подумаешь... Никто же не узнает!»

Всё позади, вот холостяцкий кров.
Они включили музыку вначале —
Чтоб заработать призовых очков,
За чаем очень мило поболтали.

Спать захотели так, что мочи нет...
Хозяева своих гостей в итоге
Сводили в джентльменский туалет,
А сами сторожили на пороге.

Вот, наконец, по парам улеглись...
Конечно, спать легли они в одежде,
Поскольку все приличия блюлись...
Разврата нет... Но всё не так, как прежде.

Они в одежде... Не наедине...
Но их тела уже близки друг к дружке,
И волосы подруги – не во сне! —
Лежат впервые на его подушке.

Что с женщиной провёл он эту ночь,
Мог рассказать теперь Макс – и Виталий
(Уж если хвастовство не превозмочь!),
Хоть повод так сказать был лишь формальный.

Коснулись напоследок ерунды,

Беседа постепенно угасала...

«Сюда, ко мне под крылышко иди!» —

Так Валя вдруг Виталию сказала.

Виталий тут же в шутку обратил

Её слова, обидные Максиму,

А сам при этом тонко ощутил,

Что стало ей в тот миг невыносимо.

Любовь к нему ей не даёт заснуть,

О том своём капризе пожалела,

Хотела бы обратно всё вернуть,

И на него так жалобно смотрела.

Но ты напрасно чувства ворошишь —

Твоя ведь это личная «заслуга»:

Всего одну ошибку совершишь —

И вот уже с любимым спит подруга!

«Да девушке для счастья много ль надо,

Когда моё оружие – красота?

В трамвае покатал – она и рада...

И трогаешь её за все места.

О, сколько раз я женщину ласкал!..

Но только лишь во сне... В воображеньи...
И вот мой сон сегодня явью стал,
Я – главный автор в этом достиженьи!

Настойчиво я к этой цели шёл,
Нахально, ничего не объясняя,
Она терпела нежный произвол,
Своим молчаньем ласки одобряя...

И вот впервые мы наедине,
И вся она в моём распоряженьи...
И я её ласкаю – не во сне,
И не в своём больном воображеньи...

И девушка в постели – мне под стать:
Она робка, целуется неважно,
Мужского тела тяжесть испытать,
Скрывая стыд, пытается отважно.

Я целовал её большую грудь,
И жар сосков мне придавал надежду,
Убрать себе позволил я дерзнуть
Последнее препятствие, одежду —

И нежные волосики лобка,
Отметив вскользь природы безупречность,

Уже ласкаю с видом знатока...
О, растянуть бы этот миг на вечность!

Всё это я уже как будто знал,
Когда на свадьбу Коли собирался...
Из Космоса получен был сигнал?..
А вдруг из неосознанного взялся?..»

Родителям была послушна дочь,
И «этого» она не захотела:
Он трижды стал мужчиной в эту ночь,
Но женщиной её так и не сделал.

Он весь от нетерпения дрожал
И всё ещё в любовном был угаре.
Он был уверен: это не финал,
Атака на гимен ещё в разгаре.

Он нового свиданья ожидал,
Которое вернёт в любви обитель...
Нет, поражение он не признавал,
И в мыслях он уже был победитель:

«Гляжу на мир с вершины покоренной,
Признавшей власть мою, и в тишине,

Любовью изнурённой, обнажённой,
Лежащей подо мною на спине.

Она сверкала льдом, как «мира крыша»,
Казалась неприступной... Но сейчас
Она покорена, устало дышит
Распухшим ртом, не открывая глаз...

Итак, она не женщина... Пока...
Ведь плод запретный потому и сладок,
Что ум, не зная мненья языка,
В плену воображаемых догадок.

Я должен рассуждать примерно так:
Та ночь – совсем не главное событие
(Ведь с Ниной я бы мог попасть впросак),
Причина же всего – моё наитье.

Оно продиктовало точный план,
Позволивший мне сбросить груз стеснения,
И вёл себя я с Ниной, как мужлан:
Нахально, смело и без объяснения.

И это у меня уже в крови,
И никуда не денется, надеюсь.
Я должен навсегда отождествить

Удачу и проявленную смелость.

Ни дня без женщин! – это мой девиз,
И он моё изменит поведение.

Ни дня без женщин! – это не каприз,
А грозное природное явление,

Которое я должен изучать
Не в стиле откровенных разговоров,
А думать, наблюдать и заключать
Не только на основе женских взоров.

Ведь невозможно женщину понять,
Вопросами наивными пытая:
«Позволишь ли ты мне тебя обнять? —
Как будто бы перед тобой святая. —

Не хочешь ли остаться ночевать?..
А можно я потом тебя раздену
И буду очень нежно целовать?..
Нет?.. Почему?.. Не скажешь ли причину?..»

Как это глупо!.. Даже не смешно...
Я должен сам судьбой распоряжаться,
Поэтому отныне решено:
До откровений впредь не унижаться —

То мелко для возвышенных умов.
Красивому мужчине только рады!»
Вдруг на страницах «Комсомольской правды»
Двух девушек читает он письмо:

«Понравился один нам очень парень,
Как Солнце, он светился среди нас,
Поскольку – уж поверьте! – без прикрас
Он дивно был красив и лучезарен.

Когда же он узнал, что он красив,
Испортился наш парень безвозвратно:
Он стал высокомерен и спесив,
И от него наплакались девчата».

«Как глуп тот парень! Что ж зазря сиять? —
Решил Виталий. – Мог бы притвориться,
Ведь против красоты не устоять:
Отдались бы ему те две девицы!»

Сентябрь неумолимо наступал,
А с ним и напряжённая учёба.
Виталий вскоре с горечью узнал,
Что стала недоступною зазноба.

Свой летний дачный завершив сезон,
Её семья вернулась в город споро.
Для этой спешки важный был резон:
Сестрѐнке младшей Нины в школу скоро.

«Теперь остаться с ней наедине,
Без посторонних стало невозможно.
Знакомиться с родителями?.. Нет!
Потом расстаться будет очень сложно...

Мы можем отношенья продолжать:
Гулять, ходить в кино, шутить, смеяться...
Но с ней я буду только лишь скучать,
Она не может наравне общаться.

Когда я к цели рвался напролом,
Ценилось молчаливое смирение,
Сейчас я – гусь с подрезанным крылом:
Её молчанье – как неодобренье.

За что девицу можно полюбить?
За то, что пригодится в жизни личной:
Она должна – хоть это сложно! – быть
Неглупой, а не только симпатичной».

Решил Виталий Бога не гневить
(Хоть был он атеистом беспартийным)
И с Ниной отношения завершить,
Предаться достижениям спортивным.

Глава 7. Знакомство с Алиной

*«Чего же хочешь ты?» – «Я?.. славен быть хочу». –
«Но чем?» – «Как чем? – умом, делами,
И красноречьем, и стихами,
И мало ль чем еще?»
К. Батюшков. Странствователь и домосед*

В отделе было двадцать человек.
Начальник, заместитель – чин по чину.
От общего количества коллег
Мужское составляло половину.

Из молодёжи были среди них:
Пиляев Савва, инженер ведущий;
Кирилл, Олег, Виталий – из простых;
И был ещё Владлен... Тот самый... Пьющий...

Большая редкость – пьющий инженер,
И всяк его талантливым считает.
О нём молва: умён, как Люцифер,
И от ума большого он страдает.

Недюжинный имел он интеллект

И съеденные кариесом зубы.
Он шутками производил эффект,
И были те порой довольно грубы.

В обед любили в теннис поиграть,
Их стол стоял на первом, в вестибюле,
Возле лифтов... Но стали вдруг мешать,
И их оттуда вежливо... турнули.

Нашли местечко дальше от невзгод,
Где не было лифтов, в просторном зале.
Там в типографию был главный вход,
И типографские не возражали.

Долг инженера – новое внедрять,
Они собрание провели с повесткой:
«Мы можем типографским доверять?» —
И стали оставлять ракетки с сеткой.

Однажды, забирая инвентарь,
Виталий позвонил в дверь к типографским.
Дверь девушка открыла – как дикарь,
Был поражён очарованьем дамским!

Изящества исполнен стройный стан;

Взгляд синих глаз – открытый, безмятежный;
Каштановых густых волос Сессон;
Рисунок губ – затейливый и нежный.

К лицу и туфли, дорогой текстиль —
Подобрана одежда безупречно...
Отметил он, что у неё есть стиль.
Всё это уважал он бесконечно.

Виталий восхитился: «Какова!
Красива и изящна – совокупно.
Но это, к сожалению, лишь слова:
Мне с ней не быть – уж слишком недоступна!

Она напоминает тех девиц,
Что ехали со мной в купе на море...
Мне до сих пор не позабыть их лиц:
Яд на устах, презрение во взоре...

Она в вещах красивых знает толк...
Но явно избалована деньгами —
И смотрит свысока на наш пинг-понг...
Как тело инородное меж нами».

А девушка добавила свой штрих:

И впрямь на теннисистов не глядела...
Но часто проходила мимо них,
И это сильно изменило дело.

Оценивая прелести её
В мужской спортивной, жаркой атмосфере,
Высказывали мнение своё —
Порой в пренебрежительной манере:

«Эх, на неё б в купальнике взглянуть!» —
«А ты раздень!» — «Пожалуй, не рискну я...» —
«А губы так и просят поцелуя!» —
«Фигурка – класс!» — «Но маленькая грудь...»

Не все у нас – избранники удачи,
Безвольным – бесконечно долго ждать,
И мы порой презрительно судачим
О том, чем не способны обладать.

Она вела себя предельно строго.
Виталий, недовольный, стал ворчать:
«Какого чёрта эта недотрога
Пытается меня не замечать?»

И он, своей привычке новой верный,
Чтоб в «межсезонье» навык не терять, —

Нисколько не смущаясь, начал первый
Здороваться, вопросы задавать.

Она сначала сухо отвечала
На признаки вниманья... Но потом
В общении приветливом, простом
Его среди теннисистов отличала.

Разрушена молчания стена,
Гордячка вдруг болтушкой оказалась,
От всех знакомых девушек она
Открытою улыбкой отличалась.

Зовут Алина, в Ленинграде год,
Живёт, как и Виталий, в общежитьи.
Не учится, зато мечтой живёт
В квартире жить, сама же на «лимите».

Её Виталий пичкал болтовнёй
В те дни, когда в пинг-понг они играли,
И безобидной увлеклись игрой,
И стали закадычными друзьями.

Она пыталась в теннис поиграть...
Виталий показал, как это делать, —
Пришлось ей неудобства испытать

Разгорячённого игрою тела.

Она ребят пыталась пожалеть,
Что нет у них возможности... «подмыться»...
И тут же Аля начала краснеть,
Что ей случилось так оговориться.

Увидев перстень на её руке,
Он взял за руку, к перстню прикоснулся,
Чтоб рассмотреть его невдалеке,
И похвалил – так перстень приглянулся...

И вдруг Алина стала приглашать
Виталия к себе «на чашку чая»...
Он вынужден был ей пообещать,
Но с оговоркой: занятость большая.

Он начал посещать последний курс,
Через полгода – отпуск преддипломный,
И начал он уже входить во вкус
Учёбы в тот период переломный.

Но девушка настойчива была —
Ведь от визита он не отказался! —
И в гости каждый раз его звала...
Виталий, наконец, засомневался...

Он вдруг подумал: «Может быть, сходить?..
А вдруг, как Нина, девушка доступна,
Коль продолжает «приходи» твердить?..
Отказываться было бы преступно!»

К девицам в общежитие попасть,
Как и к мужчинам, было делом сложным,
В котором у вахтерши строгой власть
Закреть дорогу лицам ненадёжным.

Сначала к ней был должен подойти —
В приёмный час! – любой из ленинградцев
И процедуру строго соблюсти...
Простую, если глубже разобраться.

Виталий у вахтёрши попросил,
Чтоб вызвали Алину, из двадцатой.
Поскольку он был скромн, не дерзил,
Ответила вахтёрша той же платой:

Остановила девушку она,
Идущую из душа с полотенцем,
Использовала в роли бегуна,
Что сообщает радость даме сердца.

И вскоре вниз спускается сама
Алина, просит пропустить к ней гостя.
Коль общежитье вовсе не тюрьма —
Входи, оставь лишь пропуск. Здесь всё просто...

«Да ради бога!» – лезет он за ним...
И вдруг краснеет Витя, как калина:
Забыл он дома пропуск!.. И Алина
Идёт наверх за пропуском своим.

Виталий удивлённо отмечает,
Что девушка слегка раздражена:
«Ну, пропуск я забыл... С кем не бывает!?
Она мне не невеста, не жена...»

Пока метал он молнии и громы
(В душе, конечно) – чуть повеселев,
Пришла она, оставив на столе
Свой пропуск, повела его в «хоромы».

В их комнате Виталия ждала
Такая же простая обстановка,
Как у него: кровати, два стола —
Всё скромно... И за девушек неловко...

Но было и отличие одно:

Почувствовал он запах незнакомый...

Таинственный... Пьянящий, как вино...

И он, тем дивным запахом влекомый,

Сумел подумать только об одном:

«Пускай же запах женщины разбудит

Мой уютный холостяцкий дом,

Пускай же он всегда со мною будет!»

Его волшебный запах поразил

И ни на что на свете не похожий!

Виталий с удивлением спросил:

«Чудесный запах! Что это?» – «Быть может...».

Они и в самом деле пили чай —

Его Алина быстро заварила.

Подумал вдруг Виталий невзначай:

«Подруг она уйти уговорила».

Беседа протекала нелегко,

Возникшее мешало напряженье,

Ему казалось: очень далеко

Ушло их беззаботное общенье.

Его тревожил внутренний разлад...
Но даже зная психики устройство,
Свой склонный к неосознанному склад,
Не мог понять причину беспокойства.

Он про свою учёбу рассказал
(Пусть знает, что он – времени заложник!),
Что любит посещать он кинозал,
Планирует раскрыться как художник.

Сказал Алине, что его сосед
Имеет очень модные пластинки.
Она была в восторге, и в ответ
Он пригласил её на вечеринку.

Не обошлось в тот день без хвастовства:
Он сообщил, что очень любит книги,
Но мало в них он видит мастерства,
И эти он готов надеть вериги:

«Уж если в книгах нечего читать,
Придётся стать писателем маститым,
Упущенное срочно наверстать». —
«Ну, не забудь меня, став знаменитым».

В ответе он почувствовал подвох,

Стал хвастаться Алине, что знакома
(Для хвастовства сомнительный предлог)
Ему давно Галина из профкома.

О «Повести о разуме» спросил...
Она её, конечно, не читала...
Своё он превосходство ощутил,
Она ж в глазах Виталия упала.

Алина поддержала этот тон —
И словно подхватила эстафету,
Ввязавшись в бесполезный марафон...
Как будто тем приятных больше нету.

Она ему решила подсказать,
Что, как должно в одежде сочетаться,
И, чтоб себя виной не истязать,
Пришлось ему пред нею оправдаться.

Когда твердил, в чём хочет преуспеть,
Слова его сомнению подвергала:
«Но это невозможно всё успеть —
Для этого тебе трёх жизней мало!»

Порой она болтала ерунду:
«Вино?.. Да мне и пять бутылок мало!..»

Три года без мужчин – имей в виду!» —
И очень заразительно смеялась.

Потом она спохватывалась вдруг,
Что в болтовне своей дошла до края,
Набрав себе сомнительных заслуг:
«Ты мне не верь, я вовсе не такая!»

И вот настало время уходить.
Расстались, недовольные друг другом...
Ещё чуть-чуть – и начала б претить
Беседа, проходившая с натугой.

Глава 8. Танцы

*Так на продажную красу,
Насытись ею торопливо,
Разврат косится боязливо...
А. Пушкин. Сцена из Фауста*

Виталий на работе не горел,
Привыкший к разным мелким порученьям,
Поэтому он целый день сидел
И предавался важным размышленьям.

На перекур он выходил всегда —
Святая передышка от работы,
Где все подряд «травили» анекдоты.
Сам он курил – нетрезвым... Иногда...

Известно: люди курят от безделья,
А после начинают привыкать.
Не склонный злой привычке потакать,
Виталий дым терпел из-за веселья.

Но нынче он отрёкся от всего —
Хотел понять причину беспокойства,

Что заставляло хвастаться его
И проявлять ненужное геройство.

Сперва спокойно мыслить он не мог,
Им полностью владело недовольство:
Алина превзошла всех недотрог...
А как настырно зазывала в гости!

Решил он, что она не так умна...
Или умна не так, как бы хотелось...
Хотя её живая болтовня
Теплом в его душе запечатлелась:

«Она была открыта и честна,
Своих стремлений вовсе не скрывала
К замужеству, и не её вина,
Что мне от слов подобных толку мало.

Причина беспокойства не секрет —
Нарушил я свой собственный запрет:
«О женщинах до лета забываю!»
А почему нарушил, сам не знаю...

Мы сразу взяли слишком вольный тон
Уже в начале наших отношений,
И оттого пошло всё кувырком,

Мы оба стали жертвой искушений.

Я с пропуском, конечно, был неправ:
Ей оставлять свой пропуск – неприлично,
Должно быть – и неважно, что за нрав! —
Всё чисто в репутации девичьей.

На роль доступной женщины она —
И это очевидно! – не годится.
Алина для общенья создана,
В беседе с ней мне хочется раскрыться.

Приятно с ней болтать о пустяках,
И ни о чём не думаешь при этом:
Есть прелесть и в обыденных словах...
И польза есть... Таким, как я, аскетам.

Мы до сих пор общались как друзья,
Теперь иные примеряем роли —
Привыкнуть сразу к этому нельзя,
И это нас стесняет поневоле.

Чтоб наши отношения продолжать,
Мне надо заслужить её доверье:
Всё делать осторожно, не спеша —
Откроются тогда иные двери.

Я запасусь терпением, буду ждать.
Коль девушки к вниманию охочи,
Порой с работы буду провожать...
И мне это приятно, между прочим.

Ухаживать придётся на бегу —
Нет у меня ни времени, ни денег!..
Но кое-что я всё-таки могу:
Сводить в кино... за двадцать пять копеек».

Его смущала маленькая грудь
У девушки с изящною фигурой:
«Ну, с грудью разберёмся как-нибудь...
Вот только бы не оказалась дурой».

Виталий ничего не понимал:
Чем больше он с Алиною общался,
Тем внешности прекрасный идеал
Скорее и вернее разрушался.

Зато его всё больше привлекал
Характер – независимый, весёлый,
Виталия он часто развлекал,
Стеснённого учёбою тяжёлой.

Но цели он своей не оставлял —
Избавиться от робости остатков,
И женщину по-прежнему желал
Доступную найти... Пусть без задатков.

«От женской красоты, я знаю, есть
Оружие достойное – общенье!
Лишь пара слов – и с них слетает спесь,
И исчезают чары обольщенья.

Теперь она такая же, как все,
Она обыкновенная, их много...
Кто стал привычен к девичьей красе,
Тому к успеху ровная дорога».

Он ждал приезда брата, чтобы с ним
Ходить на танцы, цели добиваться...
Но тот не ехал... Истекали дни...
И он ходить с Валерой стал на танцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.